

kraju. Przyjęto je w przeddzień operacji polskiej, 17 lipca 1937 roku. Stało się ono podstawą prawną do wysiedlenia z tych pasów i stref ludności polskiej.

W toku realizacji operacji polskiej na Białorusi pojawiło się pytanie o represje wobec uciekinierów z Polski, w większości członków KPP lub jej sympatyków. Mimo wysiłków sowieckiej straży granicznej i polskiego KOP-u lesisto-bagnisty teren granicy stwarzał dobre warunki dla przemytników, różnego rodzaju przestępców i politycznych przeciwników władz po obu stronach granicy. Ze specjalnie otwartych na granicy «okien» aktywnie korzystała KPP i sowieckie służby specjalne. To samo dotyczyło polskiego wywiadu. Jednak strumień uciekinierów ze strony polskiej wyraźnie przewyższał liczbę tych, którzy próbowali uciec z ZSRS. Od strony sowieckiej granica była o wiele bardziej szczelna. Według szefa białoruskiego NKWD Borysa Bermana od 1921 do 1936 r. sowiecko-polską granicę przekroczyło z II RP 58 tys. osób⁴⁴. W 1937 r. prawie wszyscy oni stali się obiektem szczególnej uwagi ze strony NKWD. Specjalnie przydzieleni oficerowie wyszukiwali i aresztowali byłych polskich obywateli. Na osobiste polecenie Stalina zdecydowano się bardzo ostro traktować zwłaszcza nowych uciekinierów z Polski. W lutym 1938 roku centrala NKWD przyjęła nawet w tej sprawie specjalne rozporządzenie, wcześniej zatwierdzone przez KC WKP(b). Miejscowym oddziałom NKWD rekomendowano: «uciekinię, wobec których zachodzi pośrednie, lub bezpośrednie podejrzenie o szpiegostwo, oddawać na miejscu pod sąd trybunału wojskowego i bezzwłocznie rozstrzeliwać»⁴⁵.

Idea budowy polskiego społeczeństwa komunistycznego, którego podstawą miała być polska ludność kresowa, od początku była skazana na porażkę. U jej podstaw leżało błędne przekonanie, że praca ideologiczna jest w stanie zmienić człowieka, jego świat duchowy, i przekształcić Polaków w solidną podporę władzy sowieckiej. Polacy-Kresowiaci, broniący od wieków swych wartości narodowych w warunkach obcej okupacji, po prostu nie nadawali się do tworzenia utopii komunistycznej, do tworzenia nowego człowieka. Polaka z racji narodowości, komunisty z racji przekonań. Lojalność wobec katolicyzmu i ojczyzny historycznej okazała się mocniejsza od ideologii religijnego ateizmu i duchowego nihilizmu.

Prof. dr hab. Mikołaj Iwanow, Zakład Europy Wschodniej Instytutu Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.

⁴⁴ Самуэльсон Леннарт, Хаустов Владимир. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг., s. 298.

⁴⁵ Там же, s. 299.

Иван Янушевич (Минск)

ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ КАК ФОРМА АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ (1917–1941 гг.)

Государственно-церковные отношения в Российской империи представляли собой сложнейшую систему, главным регулятором которой выступала официальная власть. Уже в конце XIX ст. политика, реализуемая по отношению к религиозным организациям, не соответствовала вызовам времени. Очевидные просчеты в определении приоритетов духовно-нравственного развития общества, наряду с внутри- и внешнеполитическими проблемами, привели в 1917 г. к власти в России политическую силу, однозначно считавшую религию и Церковь вредными и даже опасными институтами при построении социалистического государства. Провозглашенная компартией задача воспитания безбожного общества в социалистическом государстве столкнулась с непреодолимыми препятствиями в самом начале своего выполнения. Проводимые атеистические агитационно-пропагандистские кампании показывали низкую эффективность даже в организационном плане, не говоря уже о их реальном влиянии на религиозность населения. В 1923–1924 гг. на самом высоком партийном уровне указывалось на уродливые последствия насаждения безбожия жесткими административными мерами. Назрела необходимость выработки более эффективной тактики реализации своей политики по отношению к религии и Церкви.

Подвести обоснование под предполагаемый процесс обезбоживания населения антирелигиозникам предстояло в условиях сложнейшей трансформации народно-хозяйственного комплекса, поиска оптимальной модели государственного строительства и в соответствии с выдвигаемыми партией большевиков лозунгами. На высшем партийном уровне регулярно принимались постановления, требующие «осторожного отношения к религиозным предрассудкам» населения. В. И. Ленин требовал «не допускать оскорбления религиозных чувств верующих», указывал на авантюристичность объявления войны религии, однако на практике он же или его ближайшие соратники санкционировали мероприятия по максимальному уничтожению «реакционного духовенства», изданию явно клеветнических печатных работ и проведению агрессивных антирелигиозных кампаний [1, с. 32, 34; 2, л. 74–76; 3, л. 16–17]. Одной из форм антирелигиозной работы стали как кампании, так и систематическая работа партийных и государственных органов по ликвидации богослужбных

помещений. С одной стороны, это сужало информационно-пропагандистскую базу религиозных организаций, с другой — должно было свидетельствовать об отходе верующих от церковных структур и их желании рационального использования сооружений, ранее предназначенных для «духовной эксплуатации трудящихся».

Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация ЦК КП(б)Б, НКВД БССР, Центрального совета (ЦС) СВБ и Комиссии культов ЦИК СССР. Сравнительный анализ докладных записок и постановлений данных организаций с грифом «совершенно секретно» дает наиболее точное представление о состоянии дел в сфере организации антирелигиозной пропагандистской деятельности. Историография вопроса практически не разработана. Несмотря на наличие большого количества архивных материалов, современные исследователи не уделили должного внимания анализу объективных и субъективных причин неудовлетворительного состояния агитационно-пропагандистской деятельности данного периода. Многочисленные публикации 1920–1930-х гг. являются исключительно пропагандистскими штампами, тиражирующими утверждения о том, что закрытие храмов — это объективный процесс в связи с отходом верующих от религии и церкви. Совершенно голословно заявлялось о том, что решения, утверждаемые верховной исполнительной властью, принимались исключительно «по просьбе трудящихся». Вся советская послевоенная научная и пропагандистская литература основывалась на подобных идеологических опусах как на первоисточниках, лишь изредка допуская критический анализ самых из ряда вон выходящих фактов. Между тем в рядах ответственных за антирелигиозную работу партийных и советских работников реально существовало мнение, что только наличие храма свидетельствует о религиозности населения [4, л. 109]. Подобная позиция наносила колоссальный вред делу распространения атеизма и всей идеологической деятельности компартии на протяжении всего межвоенного периода, в котором следует выделить три основных этапа: 1921–1924 гг.; 1927–1930 гг.; 1932–1937 гг. Попытку их исследования автор предпринял в данной работе.

Декретом от 20 января и инструкцией от 30 августа 1918 г. все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием, а не используемое для богослужений незамедлительно отбиралось. «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей», отдавались «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [5, с. 30]. Инструкцией же регламентировалось и число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество — их должно было быть не менее двадцати человек [5, с. 61].

Социальная база компартии была незначительна. В срочном порядке необходимо было ограничить возможности потенциальных противников существующего режима. 3 августа 1922 г. ВЦИК издает декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [5, с. 32–34]. В декрете регламентировались практически все аспекты деятельности общественных организаций. В подаваемых на проверку в НКВД уставах обществ и союзов должны были быть отражены следующие моменты: 1) название общества, цель, район и форма деятельности; 2) порядок вступления и выбытия членов; 3) размер членских взносов и порядок их уплаты; 4) состав распорядительных органов; 5) сроки и порядок созыва собраний; 6) порядок ведения отчетности и заведования хозяйственной деятельностью; 7) порядок ликвидации общества [5, с. 34].

Проекты уставов проходили экспертизу в отделах НКВД, и не позже, чем через месяц, должен был быть дан ответ об их соответствии советскому законодательству. Развернувшаяся кампания имела целью поставить под контроль властей все сколько-нибудь оппозиционные силы и максимально сократить численность их организаций, в частности религиозных общин. В постановлении ВЦИК от 3 августа 1922 г. требовалась чуть ли не мгновенная регистрация (в двухнедельный срок) со времени опубликования декрета в прессе. «Общества и союзы, не зарегистрированные в указанный срок, подлежали немедленной ликвидации» [5, с. 31]. Для религиозных общин это создавало серьезные проблемы. Если в городе уже фактически существующим религиозным общинам представлялось возможным выполнить все требования по регистрации в отведенные сроки, то в сельской местности это было проблематично. В январе-феврале 1923 г. в СНК БССР поступали многочисленные жалобы от верующих о нежелании Ликвидационного отдела наркомата юстиции (НКЮ) регистрировать их общину. И главной причиной их опоздания с подготовкой документов указывалось отсутствие информации о решении ВЦИК от 10 августа 1922 г.

Между тем со второй половины 1922 г. во многих случаях власти проводили закрытия храмов без всяких предварительных переговоров с верующими, основываясь на решениях партактива, собраний рабочих иного вероисповедания. Закрытие православных домовых церквей по стране в целом началось еще с 1919 г. Ликвидировались небольшие церкви в местах лишения свободы, больницах, богадельнях и т. д. В Беларуси этот процесс активизировался после постановления ЦК КП(б)Б 10 октября 1922 г., в котором указывалось: «Считать необходимым закрыть домовые церкви» [6, л. 107]. Главной причиной такой жесткой директивы было то, что маленькие домовые церкви в связи с закрытием

многих храмов превращались в большие приходы. Поэтому партийное руководство указало Ликвидационной комиссии НКЮ на ошибку при подписании договоров с ними [6, л. 107].

Нахождение в одном здании с каким-либо государственным учреждением (осень-зима 1922–1923 гг.) означало практически автоматическое закрытие прихода. Тем более, что подобные помещения было достаточно легко перепрофилировать. Так поступили с церковью Вознесения на улице Широкой в Минске, помещение которой было отдано медфаку БГУ в феврале 1923 г. Не ликвидированные в этот период храмы в дальнейшем становились объектами глумления со стороны учащихся, таким способом проявлявших свою приверженность безбожной деятельности властей. Расторжение договоров должно было стимулировать переход сторонников патриарха Тихона в обновленческий раскол, организованный ОГПУ [7, л. 74]. Однако такие репрессивные методы исполнительной власти, наряду с безобразиями в проведении антирелигиозной пропаганды, приводили ко множеству конфликтов с верующими. Местные власти, стараясь избежать недоделок, начали практически огульное закрытие домов культов.

Дальнейшая эскалация взаимоотношений могла привести к серьезному конфликту власти с верующими. Центральное бюро (ЦБ) КП(б)Б с целью прекратить самодетельность на местах вынуждено было 21 мая 1923 г. разослать письмо с требованием: «При намерении начать антирелигиозную кампанию по изъятию домов культов предварительно запросить согласие ЦБ» [8, л. 40]. Так как закрытие храмов в этот период проходило чаще всего на основании «требования рабочих масс» либо из-за недостатка помещений для «культурно-просветительской работы», то наибольшее негодование населения вызывали простой зданий, опечатанных и не использованных, отдача их в аренду предпринимателям-иноверцам [9, л. 87]. В то время, как в городе можно было без проблем, в кратчайший срок рационально использовать изъятые культовые здания, то в деревне, где и партактив был малочисленным, храмы чаще всего простаивали, чем подрывали пропагандистские уловки большевиков. Руководство партии осознавало это в полной мере. ЦК РКП(б) издало в мае-июле ряд постановлений о необходимости «осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьян и отсталой части рабочих». В постановлениях, говорилось: «В ЦК продолжают поступать сведения о нарушении этих постановлений, о массовом закрытии церквей, вызывающих недовольство, используемое антисоветскими элементами. ЦК категорически предлагает приостановить проведение в жизнь этой меры» [10, с. 184].

НКЮ и НКВД 12 июля 1923 г. были даны инструкции на места: «При закрытии храмов должны приниматься во внимание религиозные интересы верующих, их привычки и обычаи, статистические данные

о количестве населения, пользующемся храмом» [10, с. 323]. Необходимо отметить, что в стране в целом шел подъем религиозности населения. Это касалось не только ранее атеистической интеллигенции, «темных крестьянских масс» и несознательной части рабочих, но и членов компартии, комсомола. Агитпропотдел ЦК РКП(б) отслеживал подобную информацию. Жесткая антицерковная позиция властей только усугубляла создавшееся напряженное положение в обществе. Поэтому ЦК РКП(б) в июле 1923 г. высылает на места директиву с требованием открытия церквей в тех случаях, когда их закрытие вызвало раздражение части трудящегося населения: «Члены партии, виновные в нарушении настоящего циркуляра, будут привлекаться к самой суровой партийной ответственности» [10, с. 185]. На антицерковном фронте на несколько лет наступает определенное затишье.

С лета 1927 г. начинается новый этап закрытия храмов. До 1929 г. регистрация церковно-приходских советов под различными благовидными предлогами откладывалась на неопределенный срок. Храм как бы и не закрывался, но он не мог нормально функционировать, хотя это было еще не массовое явление. Всякого рода проверки пожарных, санитарных служб, НКВД, органов исполнительной вертикали позволяли делать некую видимость законности и логичности в действиях властей. Руководством Союза безбожников СССР в 1928 г., с целью оправдать чрезвычайно низкий уровень организации антирелигиозной информационно-разъяснительной работы, наличие большого количества богослужебных помещений и церковно-приходских советов определялось как основная причина, препятствующая развитию организации, а значит и безбожии. На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Е. Ярославский приводит следующие цифры и аргументы: «Актив религиозных организаций составляет около 500 тыс. членов духовных советов различных религиозных организаций. Эти члены духовных советов почти исключительно, или, по крайней мере, наполовину — лишенные избирательных прав, бывшие помещики, торговцы, кулаки... Они имеют, кроме того, 350 тысяч агитаторов и пропагандистов-служителей культа, затем, около 100 тысяч монашествующих. Таким образом, если взять только этот актив, то мы получим около одного миллиона актива, политически иногда очень сильного, действительно пользующегося известным влиянием и имеющего определенную материальную базу, которой, мы, безбожники, обычно не имеем...» [11, л. 2–3].

В целом конец 1928 г. начало 1929 г. стали временем поиска новой модели государственно-церковных отношений. В области организации антирелигиозной работы единого мнения о формах и методах ее осуществления, да и какого то цельного плана, в общем то не имелось. Поступавшая

оперативная и аналитическая информация явно указывала на слабые достижения в деле распространения атеизма и имевшемся потенциале религиозных организаций. На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Е. Ярославский при обсуждении мер по усилению антирелигиозной работы также подвергает партийно-государственные структуры острой критике: «Товарищи, предложенная здесь резолюция и фактический материал, розданный вам, рисуют в довольно неприглядном виде положение антирелигиозной пропаганды и религиозных организаций. Постановку этого вопроса в ЦК мы рассматриваем как постановку одной из сторон нашего наступления на капиталистические элементы во исполнение решений XV съезда. Я должен сказать, что партия слишком мало обращает внимания на то, что в лице религиозных организаций капиталистические элементы имеют сложный и сильный аппарат агитации и пропаганды, имеющий за собой опыт столетнего влияния и опирающийся на невероятную техническую и культурную отсталость сельского хозяйства, на все еще сильное влияние кулачества» [11, л. 7].

Более чем десятилетняя борьба с религиозностью населения существенных результатов не принесла. Необходимы были новые формы воздействия на мировоззрение масс. Высшим партийным руководством предпринимается ряд мер по активизации антирелигиозной пропаганды, поддержке Союза безбожников (СБ). В циркулярном письме ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы» за подписью Л. Кагановича отмечалось: «ЦК партии обращает внимание на то, что партийные, комсомольские и др. общественные организации оказывают «Союзу безбожников» и делу антирелигиозной пропаганды слишком незначительную поддержку (из 128 парткомов за январь-июнь 1928 г. 64 совершенно не обсуждали вопросов антирелигиозной пропаганды, а парткомы, где этот вопрос стоял на обсуждении, в большинстве случаев ограничились принятием резолюций общего характера, без обеспечения фактических возможностей их осуществления). ВЛКСМ почти совершенно не уделяет внимания систематической антирелигиозной пропаганде... ЦК обращает внимание на то, что успехи антирелигиозной пропаганды тормозятся тем, что в рядах партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов и других советских организаций наблюдается недооценка таких явлений, как усиление реакционного влияния религиозных организаций не только на широкие массы рабочих и крестьян, но, кое-где, в особенности на мусульманском Востоке, в Белоруссии, и на низовой аппарат Советской власти» [12, л. 2].

На местах партийным, комсомольским, профсоюзным организациям предстояло организовать серьезнейшую информационно-разъяснительную работу. Для этого выделялись дополнительные силы и средства. Много-

миллионными тиражами издавалась соответствующая литература. В действительности призыв к борьбе с религией и церковью на идеологическом фронте вылился в жесточайшее административное давление и плохо организованную легитимацию решений разного рода собраний о закрытии храмов. Органы ОГПУ БССР в 1930 г. констатировали, что «местными советскими и партийными работниками очень часто допускались и допускаются грубейшие ошибки и перегибы, граничащие иногда с преступностью» [13, л. 2]. Подобное положение наблюдалось во всем СССР. Отход от некорректных, вульгарных форм атеистического просвещения к сплошному классовому подходу значительно ухудшал ситуацию с пропагандистским сопровождением закрытия храмов.

Возобновленная в 1927 г. практика постепенного сужения сети молитвенных домов с привлечением к принятию решений местного населения несколько легитимировала процесс. Намечавшееся обострение отношений с верующими требовало усиления разъяснительной работы и в первую очередь по вопросу закрытия храмов и их перепрофилирования под иные нужды. Не смотря на постоянные указания и требования высшего партийного руководства об осторожном и взвешенном подходе в данном вопросе, на местах не могли не удовлетворить и требования об обострении классовой борьбы, а потому центральные органы ОГПУ констатировали следующую ситуацию: «Закрытие молитвенных домов происходит ненормально, хаотически, без соблюдения партийных и советских директив, а иногда и с прямым и вредным для дела антирелигиозной пропаганды издевательством над предметами культа (стрельба в иконы, пускание ракет в верующую толпу и т. п.) ... Ссылки на то, что против закрытия выступают одни лишь кулаки, нэпманы и попы не только не правильны, но и вредны, так как они нередко обостряют отношения с верующей массой, родственной нам по своему социальному положению» [14, л. 2].

Собрания для проведения решений о закрытии храмов проводились на неудовлетворительном организационном уровне. При подсчете голосов допускались явные фальсификации, вызывавшие нарекания и возмущение собравшихся, как например, в селе Кузьминичи: «Это мошенничество и только. Мы не против закрытия, но зачем же подтасовывать голоса и мошенничать» [13, л. 3]. Еще одним способом было проведение собрания с заранее запланированным результатом с участием партийцев, комсомольцев, люмпенизированной части населения, деревенского актива и т. д. Вызвать доверие населения подобное решение естественно не могло. Какое-то необходимое количество подписей властям удавалось собрать только у представителей иного вероисповедания. Случалось, что православные голосовали за закрытие синагоги, католики и иудеи за закрытие церкви. Подобная подтасовка не только не могла быть частью нормальной

антирелигиозной работы, но и усиливала межконфессиональные и межнациональные противоречия. Подписи так же собирались у детей различных национальностей от имени их родителей [13, л. 2]. Причем первыми подписывались комсомольцы и пионеры, а главная задача кампании состояла в вовлечении в процесс и поиск поддержки со стороны беспартийных масс. Призывая большее количество населения к решению вопроса о закрытии храма, большевики закономерно полагали о нейтральности подписантов в случае возникновения конфликта на данной почве, а, возможно, и об отходе от религиозной организации. Подписи малолетних детей и пионеров естественно давали отрицательный пропагандистский эффект. Но это еще была попытка, хоть каким-то образом продемонстрировать легитимность решения перед населением и подать на утверждение вышестоящим органам соответствующие законодательству и правоприменительной практике документы. В большинстве случаев местная власть не утруждала себя подобными маневрами. Решения о закрытии принимались местным активом без всякого утверждения центральными органами. В Оршанском округе из 37 закрытых православных церквей 21 не была ликвидирована в установленном порядке, а из 27 синагог — 13 [13, л. 3].

Еще до принятия центральными органами решения о закрытии храма местными активистами производилось переоборудования богослужебных помещений, а имущество, в том числе богослужебное, растаскивалось, предметы культа осквернялись и уничтожались [13, л. 4–9]. Это приводило к многочисленным конфликтам населения с представителями власти, даже и вооруженным столкновениям с жертвами как с одной, так и с другой стороны [13, л. 8–10; 15, л. 127–132, 134, 136]. Следует отметить, что как и в первой половине 1920-х гг., быстро перепрофилировать отнятые помещения не удавалось. «По Витебскому округу из числа 141 закрытой церкви — не использовано 69; в Бобруйском округе из 16-ти — 9, а из 24 синагог — 12» [13, л. 5]. Данная ситуация компрометировала идею возможности восполнения дефицита помещений только с отъемом храма и давала надежду на его возвращение. Подобную возможность, кстати, рассматривали как в БССР, так и на всесоюзном уровне [15, л. 98]. Кроме усиления и так крайне отрицательного отношения людей к партийным и комсомольским работникам, подобные резкие атаки на религию и Церковь очень негативно сказывались на решении народно-хозяйственных заданий. И. Сталин и для предотвращения подобных перегибов, и чтобы переложить вину за явные нарушения социалистической законности и здравого смысла дважды (в 1929 и 1930 г.) выдал указания о недопущении подобных действий на местах. Бесчинства творили, безусловно, низшие руководители, однако не подкрепленное анализом ситуации задание давала высшая партийная номенклатура, в том числе и «вождь народов». Именно перед ними стояла

задача поиска оптимальных управленческих решений, а не проведения экспериментов по определению лояльности населения к любым нововведениям.

Подобный антицерковный наскок весьма вредно отразился на набирающем обороты процессе коллективизации сельского хозяйства [15, л. 98, 127, 134]. Например, в д. Братово Могилевского района в феврале 1930 г. после конфликта на почве незаконного изъятия церкви 75 % колхозников колхоза «Гигант» вышли из хозяйства [13, л. 10]. Полторатысячная толпа осаждала сельсовет, требуя возврата церкви и в спешке вынесенного имущества. Еще больший вред антирелигиозной пропаганде наносили хулиганские выходки безбожного актива. Из церковных царских врат учитель в Минском округе сделал собачью будку [13, л. 3]. В д. Дворище Гомельского округа два колхозника стреляли по изъянному ранее в церкви иконостасу. На это возмущенная толпа граждан многозначно заметила: «Видите, что колхозники делают, Богов расстреливают, у них никогда добра не будет. У них душа адская, они могут и людей расстреливать, Бог вас береги идти к ним» [13, л. 3]. Лучшей антирекламы и атеистической работе, и колхозному строительству придумать сложно. Материалистическое мировоззрение и преимущества социалистического строя «доказывали» самоchinные закрытия храмов незначительными группами комсомольцев, сопровождавшиеся всякого рода выходками в виде бития стекол, курения и испражнения в богослужебных помещениях, самовольных конфискациих икон из домов верующих граждан.

Ликвидации приходов осуществлялись и из-за массовых арестов священнослужителей, проводимых «всеми — кому угодно — сельсоветами, бригадами, отдельными партийцами, комсомольцами и т. п.» [13, л. 5]. Это вызывало недовольство населения. Верующие вставали на защиту своих пастырей, вместо атеистов формировались значительные группы людей, окончательно убедившихся в двуличности властей, а некоторые, наиболее искренне пытавшиеся бороться с явной несправедливостью, стали по советским законам уголовными преступниками. Ситуация вызывала подобную обеспокоенность уже в 1929 г., то есть еще в начале массового закрытия храмов, арестов священнослужителей и активных прихожан. Главный антирелигиозник ОГПУ Е. Тучков в докладе в ЦК ВКП(б) просит обратить «внимание соответствующих организаций на то, что подмена и замена идеологической борьбы с религиозными предрассудками борьбой одними административными мероприятиями и, к тому же, без соблюдения законов и партийных директив по этому вопросу, дает отрицательные результаты» [14, л. 3].

Опасность всеобщей ликвидации богослужебных зданий на местах была весьма велика. И на XVI Всероссийском съезде Советов

и на II съезде СВБ значительное количество выступающих именно силовые способы считали не только наиболее эффективными, но и единственно возможными в сложившейся ситуации. Подобный радикализм был еще недопустим. Необходима была и серьезная пропагандистская работа, увязка борьбы с «поповщиной» с борьбой за социализм, за экономический рост и достижение благополучия общества. Антирелигиозная атака не могла ограничиваться только репрессивными методами. Решающее слово должен был сказать партийно-государственный идеологический актив. Стратегия и тактика решающего наступления вырабатывалась на декабрьском заседании оргбюро ЦК ВКП(б). Она изложена в циркулярном письме ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Республиканские партийные организации в рамках указаний ЦК ВКП(б) также вырабатывали свои комплексы мер по борьбе с религией и церковью. ЦК КП(б)Б старалось максимально обеспечить выполнение поставленных центром задач и сконцентрировало свои усилия по двум основным направлениям: формирование республиканской структуры Союза безбожников и усиление научно-методического сопровождения антирелигиозной деятельности [16, л. 2].

Предложенные действия включали в себя практически все возможные меры информационно-пропагандистского воздействия на население. Основные «достижения» имелись в закрытии храмов [17, л. 4]:

Закрыто	В 1928 г.	В 1929 г.	В 1930 г.
Церквей	5	34	60
Костелов	1	-	4
Синагог	15	45	68
Часовен	4	7	3

Третий период в хронологических рамках (1932–1937 гг.) достаточно условен. Главной его отличительной особенностью было фактически полное отсутствие зримого управления процессом со стороны государства. Высшее партийное руководство в 1932 г. заявило о переходе страны советов на некий новый уровень своего развития. Реальные социально-экономические преобразования, агитационно-пропагандистские усилия идеологического аппарата, фактическое отсутствие внутрипартийной борьбы заставили многих поверить в правильность реализуемой внутренней и внешней политики. Религиозные организации были разгромлены и не представляли собой некой антигосударственной силы. В таких условиях антирелигиозная работа, по мнению некоторых партийных деятелей, утратила свою актуальность. В 1934–1935 гг. даже Союз воинствующих безбожников (СВБ) не являлся реально действующей структурой. Создан-

ный в середине 1920-х гг. как общественная организация Союз должен был объединить вокруг себя все антирелигиозные силы страны и стать под руководством партии координационным центром распространения атеизма. Однако фактически принудительное членство, формализм и ни чем не подкрепленные прожекты руководства СВБ при ослаблении административного давления привели к практическому развалу организации. В постановлении бюро ЦК «Аб работе Саюза Ваяўнічых безбожнікаў» от 3 апреля 1937 г. отмечалось: «Цэнтральны савет (ЦС) СВБ не з'яўляецца сапраўдным цэнтрам кіраўніцтва антырэлігійнай работы» [18, л. 92].

Как таковым центром он и не мог стать в сложившихся условиях: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930–31 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел... Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2–3 человека. Платный аппарат ЦС СВБ состоит из ответственного секретаря т. Шошина и одного инструктора. В течение 8 лет Центральный совет СВБ не отчитывался перед избирателями и никем не контролировалась его работа. По Белоруссии организация СВБ составляет 30–35 тыс. членов, но какого точного учета ни кем не ведется» [19, л. 35–36]. Проверяющий из Москвы в отчете докладывал: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларуси был Левков, также ныне разоблаченный как враг народа» [20, л. 6].

Поиск неких новых форм работы по распространению атеизма был крайне затруднен и значительной кадровой чехардой. Многие руководители и исполнители обладали должным минимально необходимым уровнем организаторских и интеллектуальных способностей. Наиболее перспективные и грамотные специалисты были задействованы в специальных органах и на хозяйственной работе. Специфика республики заключалась в том, что центр не располагал здесь достаточным идеологически проверенным резервом кадров. Имелись особенности в национальном составе управленцев. Сменяемость руководящих работников была очень высокой. Показательным в этом плане является письмо в ЦК от 3 мая 1937 г. начальника отдела культуры и пропаганды Россонского района Дроздова: «Я должен прежде сделать оговорку в том, что за такое короткое время я не мог как следует ознакомиться с районом, что делается в районе и сведений о деятельности церковников и сектантов могу сообщить очень мало. Секретарь райкома тоже работает всего 3 месяца, заместитель секретаря немного больше меня работает, так что от них я не мог

в достаточной мере ознакомиться. Есть кое какие, но очень скудные материалы. Антрелигиозная пропаганда до сего времени почти не проводилась, сколько я не спрашивал, мне так и отвечали, что «это было очень давно, я не помню когда это было» и т. д. Согласно постановлению Райкома партии месяца два три тому назад создали Оргкомитет по созыву районной конференции воинствующих безбожников во главе с Зав. РайАНО — т. Матюком, который еще ничего не начинал делать ни по оформлению ячеек безбожников, ни по антирелигиозной пропаганде, так же как и райком партии, ограничился только тем, что создал этот оргкомитет» [21, л. 218].

Подобная ситуация объясняется и изъятием компетентными органами ответственных работников. Всего по БССР в 1937–1938 гг. было «арестовано и разоблачено» 2 570 «участников объединенного антисоветского подполья» [22, л. 23]. Значительным было в списке число ответственных руководящих работников различных звеньев: в центральных правительственных и партийных учреждениях — в ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ — 23, в ЦИКе и Совнаркоме — 16. Арестовано и разоблачено наркомов и их заместителей — 40 человек, секретарей окружных комитетов, городских комитетов и Райкомов КП(б)Б — 24 человека, председателей Окрисполкомов, Горсоветов и РИКов — 20 человек, руководящих работников советского и хозяйственного аппарата — 179, академиков и научных работников Академии наук — 25, преподавателей вузов — 41, писателей и литературных работников — 20 человек [22, л. 23]. В подобной ситуации с партийными структурами проведение действенной антирелигиозной работы было невозможно.

К этому времени оценка эффективности борьбы с религией и церковными организациями сводилась к наличию какой-либо деятельности граждан по возобновлению функционирования храмов. Еще более раздражающим власти фактом было стремление населения сохранить свои богослужебные сооружения. Сбор подписей по этому поводу рассматривался как серьезная недоработка партийных и специальных структур. На места выдвигались усиленные наряды идеологических работников и НКВД. Причем именно последние указывали на существенные недостатки в антирелигиозной деятельности. Как, например, при закрытии Любонической церкви Кировского района в 1935 г. Незаконно изъятые для хозяйственных нужд помещения церкви были испоганены, имущество разворовано, а вместо агитационно-пропагандистской работы против инициированного церковной пятеркой сбора подписей за открытие храма «любоническая сельская парторганизация, в течение 2-х лет не проводившая никакой антирелигиозной работы, начала собирать подписи о закрытии церкви, причем в этих списках фигурируют дети от 8-ми лет и выше» [23, л. 15]. В сосед-

ней школе в д. Сергеевичи директор школы сам расписывался за нежелающих это сделать первоклассников. «Учеников 4-го класса, с целью добиться их подписей, Желобкович после окончания занятий в 13 ч. 30 м. задержал и отпускал их только после того, как они соглашались на включение их в список. 19 человек учеников, которые не соглашались дать свои подписи, Желобкович задержал до 19 часов», — докладывал в ЦК КП(б)Б о подобных ненормальностях нарком внутренних дел БССР Берман в апреле 1937 г. [23, л. 15]. Закрытие храма как итог информационно-пропагандистской работы по атеистическому перевоспитанию населения становилось единственным его элементом. В БССР к 1936 г. функционировало 10,9 % от дореволюционной численности, хотя по СССР насчитывалось 28,8 %, по РСФСР — 35,6 % и только УССР с 9 % опережала нашу республику [4, л. 81]. Причем основная масса поступающих в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме Верховного Совета СССР жалоб была на незаконное закрытие храмов. Из БССР только в 1935 г. было 152 ходока. По подсчетам данной комиссии незаконно было закрыто 32,4 % [24, л. 96]. Из законно закрытых не использовалось 22 %. «Законно» в данном случае считается, что была соблюдена процедура, при этом в большинстве случаев принятые «по просьбам трудящихся» решения не учитывали мнение верующих граждан. Как жители села Бродецкое Березинского района могли быть согласны с закрытием своего храма, если ближайший сохранившийся располагался на расстоянии 70 км., а в Витебске после ликвидации последней из десяти церквей на расстоянии 50 км. [24, л. 76].

Еще большее раздражение прихожан вызывало надругательство над храмами. Если не удавалось прервать богослужения законодательно допустимым путем, то местные власти шли на различные ухищрения. В частности, в сельхоз предприятиях остро стоял вопрос хранения зерна, особенно во время жатвы. Верующие давали согласие на временное непрофильное использование помещения церкви под зерносклад. В данный период они не пользовались зданием, но установленные платежи за него взыскивались. После использования церкви возвращались «верующим в испорченном виде, культовое имущество обычно ломается и расхищается» [24, л. 97]. Часто изымались храмы под засыпку зерна при наличии иных свободных для этих целей помещений.

В стране фиксировалось большое количество нарушений законодательства о культах, хотя и его как такового в масштабах всей страны и не существовало по сути, а Постановлением Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Постоянная комиссия по вопросам культа при Президиуме ЦИК ликвидировалась. Высшая законодательная власть фактически показала этим, что религиозные организации вне закона и государство

не предполагает устанавливать с ними никаких взаимоотношений [25, л. 2–2 об.]. Это при том, что НКВД фиксировало наличие значительного числа нелегальных религиозных организаций и групп антисоветской направленности. Окультизм-мистическая деятельность получила массовое распространение. Перепись населения зафиксировала около ста миллионов верующих в безбожном государстве, а на местах отсутствие храма рассматривалось, как успех в идеологической борьбе. В 1938 г. в БССР официально функционирующих церквей не осталось [26, л. 68]. Эта статистика, безусловно, не отражала реальной действительности. Нелегальные богослужения по домам, лесам были повсеместно, а богослужебные помещения стали мобильными. И с этим богоборцы уже не знали что делать, а НКВД даже предложил заново открыть 10–12 храмов [26, л. 77], параллельно усилив работу по изъятию активных верующих и тем более их пастырей и организаторов [26, л. 57, 67, 70].

Таким образом, из проведенного исследования следует, что в эксперименте большевиков по атеистическому перевоспитанию населения советского государства деятельности партийных и государственных структур по уменьшению количества богослужебных помещений придавалось особое значение. Прямая конкуренция за мировоззрение масс для новых властей была неприемлема. Ликвидация храма, разгон церковно-приходского совета уменьшали пропагандистско-информационные возможности священнослужителей, однако не решали задачи по уменьшению религиозности населения. Попытка поставить знак равенства между наличием церкви, синагоги, костела и верою человека в сверхъестественные силы была ни что иное как очковитительство, непонимание сущности вопроса и стремление показать необходимый результат. Верующие были не виноваты в том, что большевики не сделали их за 10–20 лет атеистами, а потребность веры в Бога или в некие сверхъестественные силы были определяющими в их мировоззрении. Однако и сформировавшаяся в советском государстве к середине 1930-х гг. система управления требовала лишь лояльности, а вопрос преданности делу партии и Отечеству, как оказалось, с безбожием имел мало общего.

Литература и источники:

1. Карпов В. В. Генералиссимус: историко-документальное издание: 2 кн. Кн. I. Москва: Вече, 2004. 464 с.
2. Постановление Народного комиссариата юстиции «О ликвидации мощей» от 25 августа 1920 г. // Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и док. М.: Юрид. лит., 1971. С. 72–76.
3. Лебедев А. Д. Политика Советской власти в отношении Римско-католической церкви в БССР (1917–1929 гг.). Минск: РИВШ, 2013. 196 с.

4. Докладные записки о состоянии дел по материалам Комиссии культов ЦИК СССР с 01.01 по 01.09.1936 г. и направленные в ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), о состоянии религиозных организаций в СССР, отношение их к проекту новой Конституции, о работе Комиссии культов ЦИК СССР и практике проведения законодательства о культах с приложением сведений о состоянии религиозных объединений и молитвенных зданий в РСФСР, о приеме ходовых, поступающих жалоб и заявлениях о работе комиссии за 1934 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32.

5. Гиудулянов В. П. Церковь и государство по законодательству РСФСР: сб. Узаконений и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / под ред. П. А. Красикова. М.: Типография ГПУ, 1923. 78 с.

6. Протоколы заседаний пленума и президиума ЦБ КП(б)Б. 19 января 1922 г. 8 февраля 1924 г. 244 л. Бюллетень № 2 Белорусского пресс-бюро в Ковно от 8 февраля 1924 г., л. 242–244 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 696.

7. Жалоба членов исполнительного органа при Спасо-Преображенской церкви бывшего женского монастыря и верующих прихожан председателю СНК Белоруссии на неправомерные действия Минского окрисполкома по изъятию здания церкви и передаче ее обновленческой общине // Государственный архив Минской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 40.

8. Протоколы заседаний ЦБ КП(б)Б и пленума ЦБ. 6 января — 31 декабря 1923. Телеграмма И. В. Сталина В. А. Богущкому от 26 мая 1923 г. с приглашением на совещание работников национальных республик и областей // НАРБ. 1. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1016.

9. Материалы о работе Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей при НКФ БССР // НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 450.

10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд. Библейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996. 311 с.

11. Ярославский Е. М. Речь и заключительное слово на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросам о мерах по усилению антирелигиозной работы / Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 48.

12. Проект резолюции Политбюро ЦК по докладу об итогах II съезда Союза безбожников и о работе антирелигиозной комиссии ЦК и циркулярные письма о мерах по усилению антирелигиозной работы // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.

13. Протокол заседания комиссии при отделе культуры и пропаганды ЦК КП(б)Б от 17–18 октября 1930 г. об отборе кандидатур для направления на курсы работников районных газет из числа демобилизованных

красноармейцев, бюллетень зарубежной польской информации № 11 с 1 июня по 10 июля 1930 г. (издание Управления делами СНК и ЭКОСО БССР), докладная записка от 14 апреля 1930 г. об искривлениях, допущенных в церковных вопросах, переписка с ЦК ВКП(б), ВСНХ БССР, Белрадиоцентром и др. об откомандировании для работы в БССР коммунистов, ранее направленных на учебу за пределы БССР, строительстве 1-й Белорусской кинофабрики в г. Витебске, выделении необходимых материалов для проведения радиофикации и др. вопросам // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.

14. Ярославский Е. М. Записки Криницкому с просьбой поставить на заседании Оргбюро проект циркулярного письма ЦК ВКП(б) о закрытии церквей и протокол от 23.05.1929 г. заседания комиссии по этому вопросу с приложением проекта циркулярного письма ЦК ВКП(б) о закрытии церквей // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.

15. Протоколы заседаний фракции КП(б)Б ЦК общества Красного Креста БССР, совещания коммунистов — работников редакций газет при ЦК КП(б)Б, проект редакционно-издательского плана Белгосиздата на 1929/30 г., переписка с НКВД, Главмилицией БССР, Витебским и Гомельским окружками КП(б)Б о проведении антипасхальной кампании, изъятии из пользования верующих церкви и синагоги в м. Дубровно, кадрах редакций газет и др. // НАРБ. Фонд 4п. Оп. 1. Д. 4592.

16. Проект постановления бюро ЦК КП(б)Б от [1927 г.] о мероприятиях по усилению антирелигиозной работы, тезисы к докладам об антирелигиозной пропаганде // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.

17. Акт о передаче дел и имущества ЦС СВБ. Сведения о количестве религиозных общин и молитвенных домов // НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 13.

18. Протокол № 225 заседания бюро ЦК КП(б)Б от 3 апреля 1937 г. // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.

19. НАРБ, Ф. 4п, оп. 1. д. 11852, Докладные записки райкомов КП(б)Б о состоянии антирелигиозной пропаганды в районах БССР // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 46.

20. Материалы к докладам на 4-м пленуме Центрального совета Союза Воинствующих безбожников СССР 1938 г. (отчеты о деятельности областных советов Союза Воинствующих безбожников СССР); анкеты и списки делегатов и гостей 4-го пленума // ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.

21. Докладные записки и информации окружкомов, райкомов и горкомов КП(б)Б о проверке компрометирующих данных на коммунистов, фактах контрреволюционных выступлений на Могилевском авторемонтном заводе, состоянии антирелигиозной пропаганды и активизации деятельности сектантов и церковников в отдельных районах БССР и др. // НАРБ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 12082.

22. Обзор «Итоги разгрома антисоветского подполья в БССР» (по материалам следствия 1937–1938 гг. по линии 4-го отдела УГБ НКВД БССР) // НАРБ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 13277.

23. Сводки и спецсообщения НКВД БССР в ЦК КП(б)Б о фактах антисоветской агитации и саботажа в период подготовки и проведения переписи населения в отдельных районах БССР, имевшихся перегибах при сборе подписей за закрытие Любоничской церкви в Кировском р-не // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12035.

24. Переписка Комиссии по вопросам культов с НКФ, НКВД СССР, ЦИК УССР, Прокурором СССР, прокуратурами областей, областными и городскими исполкомами о регистрации служителей культа, закрытии церквей, нарушения законодательства о религиозных объединениях и др. // ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 46.

25. Протокол заседания Секретариата Президиума Верховного Совета СССР № 5 // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3.

26. Докладные записки НКВД БССР в ЦК ВКП(б) о наличии классово-чуждых элементов и фактах вредительства в системе Наркомпроса и Академии наук БССР, антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР (пересланы из ЦК ВКП(б) в ЦК КП(б)Б 7 июля 1938 г.) // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.

Иван Янушевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета социокультурных коммуникаций по учебно-воспитательной работе Белорусского государственного университета.